

А. А. ХОЛОДОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

АГГЛЮТИНАТИВНАЯ ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМА РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

1. Каждая эпоха решает свои политические задачи на лингвистическом материале по-разному. В этом отношении поучительно сопоставление двух эпох, которые характеризуются столь различными идеологиями, как феодальная и буржуазная.

Феодальному сознанию, на наш взгляд, свойственно — и это отмечается во всех странах — полное отрицание какой бы то ни было связи своего, родного языка с языками других народностей. Идеология эпохи феодализма живет хозяйственной замкнутостью, разобщенностью отдельных районов. Эта замкнутость, хозяйственная изоляция нигде так непосредственно, так ощутительно не сказывается, как в языковых теориях. Если в эпоху капитализма внимание лингвистов сосредоточивается на языковом родстве, проблеме языковых связей и взаимоотношений, то для эпохи феодализма характерна языковая изоляция, проблема языковой обособленности. Можно было бы смело сказать, что для феодального сознания внешняя лингвистика определяется и живет под знаком отрицательных понятий, суждений «наш, родной язык это не такой и такой-то язык», «тот чужой язык не имеет ничего общего с нашим, родным языком»; для буржуазного сознания внешняя лингвистика определяется и живет под знаком положительных понятий, суждений: «наш родной язык это есть то же самое, что такой и такой-то язык», «тот, чужой язык имеет много общего с нашим, родным языком».

2. Развитая выше мысль о характерных особенностях языковых теорий в области внешней лингвистики нуждается, однако, в некоторой конкретизации.

Так, например, для феодального сознания важны две тенденции, два пути реализации той общей закономерности, которую мы попытались вскрыть выше.

В одной своей части языковые теории эпохи феодализма стремятся довести принцип изоляции до абсурда, до полного противопоставления языка не-языку: все, что свое, родное — это язык; все, что чужое, не родное — это не язык, это нечто напоминающее звериный рык, птичий писк и щебетание или, в лучшем случае, детский лепет, невнятное бормотанье. Такова одна тенденция.

В другой своей части языковые теории эпохи феодализма стремятся отрицать самобытность, самостоятельность чужих языков «оригинальным» способом: все, что свое, родное — это настоящий подлинный язык, язык исконный, извечно существующий и, следовательно, обладающий «божественной природой» (что логически, конечно, вытекает из общих норм фео-